

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
Роман

Мой порочный НЕГОДЯИ

ЛИЗА БЕТТ

Лиза Бетт

Мой порочный негодяй

«Автор»

2026

Бетт Л.

Мой порочный негодяй / Л. Бетт — «Автор», 2026

Муж депутат, свой дом и деньги -- у меня есть все, о чем может только мечтать девушка, вот только жизнь моя больше похожа не на счастье, а на клетку. Клетку, в которую однажды врывается один негодяй, переворачивает там все с ног на голову и так же быстро исчезает, оставив меня наедине с горькой правдой и с двумя полосками на тесте.

© Бетт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лиза Бетт

Мой порочный негодяй

Глава 1

– Держи, это тебе, – муж подталкивает бархатистую коробочку по накрытому белой скатертью столу. Откидывается на спинку стула, самодовольно кряхтя, будто исполнил самое заветное мое желание. Смотрит с превосходством. А я видимо должна упасть и кланяться ему в ноги, но я выдаю привычную реакцию. Веду уголком губ и лениво отпиваю игристое из высокого тонкого бокала. Киваю.

Ужин идеален, как картинка из рекламного буклета о жизни высшего общества. Фарфоровые тарелки с золотой каймой отражают мягкий свет хрустальной люстры. На столе между нами, в самом центре, лежит продолговатая бархатная коробочка – новая отсрочка от невыносимой тишины.

Я медленно вожу кончиками пальцев по гладкой поверхности коробки, не открывая её. Я уже знаю, что внутри. Не первая, не последняя. Дорогое украшение – универсальная плата Жоры за его отсутствие, за холод в нашей огромной спальне, за месяцы, превращающиеся в годы ожидания, которое так и не сбывается.

– Носи на здоровье, – бросает он, отхлебывая коньяк и глядя куда-то поверх моей головы на экран плазмы с бесшумными новостями. – В Париже брал. Ты же любишь эту... марку.

Он даже не помнит название. Он помнит логотип. И то, что это стоило дорого. Для Жоры цена – главный синоним заботы.

– Спасибо, дорогой, – мой голос звучит ровно, отрепетировано. Я улыбаюсь той самой улыбкой, что светится с моего нельзязграмм-аккаунта, где я – счастливая жена успешного депутата. – Очень красиво.

Я открываю коробку. Бриллиантовые серьги-подвески лежат на чёрном бархате, холодные и безжизненные. Я представляю, как надену их на следующий благотворительный вечер, как они будут сверкать под софитами, как знакомые женщины скажут: «Афина, какой восторг! Жора тебя просто боготворит!». И я снова улыбнусь, и кивну, и почувствую, как под корсетом платья замирает что-то маленькое и почти забытое – моя собственная жизнь.

– Завтра «заседание» допоздна, не жди, – говорит Жора, отодвигая стул. Его телефон уже вибрирует в кармане дорогого пиджака. Он не говорит «извини». Он сообщает факт.

Я молча киваю, глотая ответное «успехов». Оно застревает в горле. Он и так не ждёт ответа.

Он удаляется в кабинет, даже не коснувшись моего плеча. Дверь закрывается с тихим щелчком.

Тишина в столовой становится густой, почти осязаемой. Я закрываю коробку с серьгами. Золото и бриллианты. Моя позолоченная клетка. Мне тридцать два, и четырнадцать из них я провела в этой клетке. Меня выбрал, воспитал под себя, выставил напоказ – успешный, влиятельный Жора.

Дети? «Всё впереди, не торопись, поживём для себя», – говорил он сначала. Потом просто отмахивался, когда я заговаривала о врачах. А потом я и сама перестала говорить. Слишком унижительно – выпрашивать у мужа возможность стать матерью.

Я встаю и подхожу к панорамному окну. Внизу раскинулся ночной город, усыпанный огнями. Мир кипит жизнью, торопится, любит, ошибается. А мой мир замер в этой безупречной, стерильной квартире, где даже пыль, кажется, боится нарушить порядок, установленный горничными.

Мой взгляд падает на собственное отражение в тёмном стекле. Грустные глаза под точеными черными бровями, опущенные уголки пухлых губ, отрешенный взгляд. Худые ссутуленные плечи, обтянутые черным шелковым халатом, пояс которого туго затянут на хрупкой талии. Манекен. Идеальный аксессуар для идеальной жизни, которой нет.

Сердце сжимается от приступа такой острой, физической тоски, что я зажимаюсь. Не от боли, а от пустоты. От осознания, что завтра будет таким же, как сегодня. И послезавтра. И через год. Подарок, ужин в одиночестве, благотворительный вечер, фальшивая улыбка. Бесконечный цикл.

Открываю глаза, отшатываюсь от окна, пытаюсь отогнать мысль, что ещё одна такая ночь – и во мне что-то треснет навсегда. Нужно чем-то заняться. Чем угодно.

Внезапно дверь кабинета открывается. Жора выходит, сжимая в руке папку. Он подходит ко столу, не глядя в глаза, и кладёт на него папку. Прямо рядом с бархатистой коробочкой.

– Вот. На, займись, – говорит, будто кидает кость собаке, чтобы она отвязалась.

Я смотрю на папку. На ней печатными буквами: «Объект №17».

– Что это? – спрашиваю глухо и отрешённо даже для меня самой.

– Квартира. В новом доме на набережной. Ты давно ноешь, что тебе скучно. Так займись делом. Проект тебе в руки, – он делает широкий жест, как фокусник, показывающий пустые руки перед фокусом. – Полный карт-бланш. Дизайн, планировка, материалы. Денег не жалею. Сделаешь себе новую игрушку, гостей там принимать будешь. Хоть какое-то применение найдёшь своему времени.

Он произносит это с лёгкой, язвительной заботой. Не предлагает. Он вручает мне новую обязанность. Новую клетку в мою коллекцию. Но в его словах есть и приговор: моё время настолько пусто, что его нужно специально «применять».

Я медленно открываю папку. Внутри – распечатанные планы, ключи от объекта, адрес. Я смотрю на чертежи, на эти чистые, пустые квадраты будущих комнат. Ещё одно безжизненное пространство, которое нужно заполнить. Но заполнить самой. Не просто купить, а придумать.

Скука и ярость закипают во мне в равной мере. Ярость – на него, на этот подарок-приказание. Скука – на всё, что было до этого. Но среди этого вара чувств что-то шевелится. Не интерес. Ещё нет. Но возможность движения. Пусть по кругу. Но не стоять на месте.

– Ну что? – Жора уже достал телефон, его пальцы скользят по экрану. Он не сомневается в ответе. – Нравится? Согласна поработать?

Спрашивает, будто это и правда имеет для него какое-то значение. Я закрываю папку. Щёлкаю замочком.

– Ладно, – говорю я просто, не глядя на него. Одно слово. Без энтузиазма, без благодарности, просто констатация. Он хочет, чтобы я отремонтировала – я буду ремонтировать. Какая разница.

– Вот и умница, – он бьёт меня по плечу тяжёлой, привычной ладонью, уже отворачиваясь. – Завтра скину контакты управляющего. А строителей ищи сама, через своих подружек. Не хочу заморачиваться. Да и налоговой не обязательно знать, что мы приобрели ещё одну квартиру. Всё ясно?

– Ясно.

Он исчезает в кабинете снова. Я остаюсь одна, сжимая в одной руке бархатную коробку с холодными камнями, а в другой – папку с чертежами пустой клетки. Новый виток в моей стерильной пустой жизни? Ну что ж. Вперед.

Глава 2

Ключ поворачивается в замке туго, с непривычным металлическим скрипом. Я толкаю тяжелую дверь и вхожу в просторную пустоту. Воздух здесь неподвижный, холодный и пахнет бетоном, пылью и далеким эхом чужой жизни. Высокие окна от пола до потолка затянуты строительной пленкой, сквозь которую город кажется размытым водянистым пятном.

Я стою посреди этой стерильной коробки, и моя тоска, принесенная из дома, натывается на эти голые стены и растворяется в них. Здесь нет места моим выглаженным шелкам и холодным бриллиантам. Здесь есть только факт: квадратные метры, которые нужно превратить во что-то осязаемое.

Внезапно с лестничной клетки доносится гул голосов, тяжелые шаги, звон какого-то инструмента. Моя спина непроизвольно выпрямляется. Я поправляю безупречный тренч поверх джинсов – мой доспех в этом новом, чуждом мире.

Первыми вваливаются трое. Разномастные, в рабочей одежде в пятнах. Они кивают мне с почтительной, но отстраненной ухмылкой.

– Здрасьте, хозяйка. По вашему звонку. Василий, Саня, Коля, – представляется один, самый словоохотливый.

Я киваю в ответ, собираясь что-то сказать о своих представлениях, о стиле, но мое внимание приковывает фигура в дверном проеме.

Он входит последним, и пространство квартиры как будто сжимается, подстраиваясь под него. Высокий, с широкими плечами, обтянутыми спецовкой. Темные волосы слегка всклокочены, на лице – день-два щетины. Но раздражающе цепляет не это. Дело в его ауре. Он держится слегка свысока. Небрежно, уверенно, будто эта квартира и весь мир за ее окнами уже принадлежат ему и просто терпят наше временное присутствие. Его взгляд скользит по мне быстрее, чем по стенам, оценивая не как женщину, а как потенциальное препятствие на объекте.

– А это наш прораб, Матвей, – говорит Василий.

Матвей не кивает. Он медленно обводит взглядом комнату, и я вижу, как его серые, холодные глаза фиксируют неровность стяжки, кривизну угла. Он считывает пространство, как я считываю фальшь в улыбках на светских раутах.

– План есть? – басит равнодушно. Голос низкий, без интонации. Не грубый, но и не допускающий панибратства.

Раздражение, острое и живое, щиплет меня под ложечкой. Эта манера. Эта молчаливая властность.

– Есть, – отвечаю, стараясь, чтобы мой голос прозвучал так же холодно и деловито. Достаяю из папки распечатанные эскизы, которые сама же с горем пополам нарисовала прошлой ночью.

– Здесь я хочу снести эту перегородку. Здесь – панорамное остекление на лоджии. В ванной...

Он берет листок у меня из рук, не дослушав. Его пальцы, длинные, со следами старой краски и ссадинами, кажутся неуместно держащими мой идеальный, чистый чертеж.

Несколько минут он молча изучает листы. А я изучаю его. Черные брови вразлет, крупный в меру нос, на нем едва уловимый шрам, явно полученный в драке. Пухлые по-мужски губы поджаты в тонкую полоску. Щетина не скрывает, а наоборот подчеркивает ширину и чеканность его подбородка. Концентрированная, ничем не разбавленная мужественность бьет по моим нервам раздражением. Он игнорирует меня, как женщину, при этом с лазерной точностью изучает сделанный мной чертеж. И разносит его в пух и прах.

– Несущая, – произносит он, тыча пальцем в мою заветную перегородку. – Не снесешь. Панорамное остекление – перерасчет по весу, усиление балки. Дорого и долго. В этой ванной стояк так не перенесешь. Вода течь не будет. Твой план не годится.

Каждое его слово – как удар маленьким молоточком по хрустальной башне моих представлений. «Не снесешь». «Дорого». «Твой план не годится.». Он говорит «твой», с какой-то поразительной, не обсужденной фамильярностью.

– Я не «ты» для вас, – леденеющим тоном подчеркиваю. – И я не спрашивала, что можно, а что нельзя. Я сообщаю, что я хочу.

Он наконец поднимает на меня глаза. Взгляд прямой, оценивающий, абсолютно лишенный почтительности, к которой я привыкла.

– Тогда найди других строителей. Или найди другого, толкового, – делает акцент на этом слове, – дизайнера.

– Вы смее сомневаться в моей компетенции? – шиплю я, чувствуя, как кровь бьет в виски. Жора так никогда не говорит со мной. Никто так не говорит.

– Я сомневаюсь в компетенции того, кто это рисовал, – он равнодушно отводит взгляд, снова изучая план. – План надо как минимум дорабатывать.

Позади него трое других переминаются с ноги на ногу, с интересом наблюдая за дуэлью. Мне хочется крикнуть, разорвать этот чертеж у него в руках, доказать что-то. Но я только сжимаю челюсти.

– Ваша задача – выполнить, а не критиковать.

– Моя задача – сделать так, чтобы не пришлось переделывать, – парирует он, наконец отрываясь от бумаги и глядя на меня с таким спокойным, непробиваемым превосходством, что мне хочется швырнуть в него что-нибудь тяжелое. – Или ты любишь выбрасывать деньги на ветер?

Это попадание в цель. Все мои деньги – это деньги Жоры, которые он действительно «выбрасывает на ветер» на мои капризы. И этот... этот грубый рабочий в замызганной спецовке своим профессиональным взглядом видит это насквозь. Стыд, жгучий и незнакомый, примешивается к ярости.

– Просто сделайте так, как я сказала, – говорю я, и мой голос звучит тоньше, чем хотелось бы. – Я буду контролировать каждый этап.

Он держит паузу, и в его взгляде мелькает что-то – не насмешка, а скорее усталое понимание. Понимание того, что имеешь дело с капризным, избалованным ребенком, которому нельзя отказать.

– Как скажешь, – произносит он наконец, и эти два слова звучат как худшее из оскорблений. Он отдает план Василию. – Начинаем с демонтажа старой проводки. Будем работать.

Он поворачивается ко мне спиной – широкая раздражающе могучая спина – и отдает тихие, четкие распоряжения своей бригаде. Я для него больше не существую. Я – досадная помеха, которую обошли и отодвинули в сторону.

Я стою, кусая губу, и смотрю, как они начинают работу. Матвей не просто командует. Он первым берет в руки перфоратор, и под его руками инструмент оживает, не скрежещет, а поет ровной, мощной песней. Каждое его движение экономно и совершенно. В нем нет суеты, только уверенная, животная сила. Он не смотрит на меня, но я чувствую его внимание ко всему пространству, его полный контроль.

Ярость понемногу оседает, оставляя после себя странное, горьковатое послевкусие. Я проиграла этот первый раунд. Он видел мою беспомощность, мои нелепые претензии. Но вместе с горечью приходит и другое чувство. Острое. Щекочущее нервы.

Это не та сонная, убаюкивающая скука, к которой я привыкла. Это столкновение. Конфликт. Это – сопротивление. Он говорит со мной так, будто я человек, а не дорогая ваза.

Грубо, неотесанно, но... честно. И в этой честности, в этом неподдельном, профессиональном хладнокровии есть какая-то дикая, притягательная сила.

Пыль, поднятая перфоратором, начинает кружить в луче света из окна. Горьковатый привкус на языке – это привкус пыли, бетона и... чего-то еще. Чего-то живого. Я делаю незаметный вдох и чувствую, как что-то внутри, долго спавшее, лениво и настороженно потягивается.

Я поворачиваюсь и ухожу, не прощаясь. Но знаю, что завтра мне предстоит вернуться, чтобы контролировать. Чтобы спорить. Чтобы снова ощутить этот едкий, тревожный, но такой живой привкус настоящего мира на своем слишком изнеженном языке.

Глава 3

Образцы плитки для ванной лежат на полу, точно пленные на поле боя. Матвей сидит на корточках, его пальцы грубо перебирают каменные квадратики, производя сухой, щелкающий звук. Я подхожу, и даже мое молчание – это вызов.

– Вот три варианта, – говорит он, не глядя на меня. – Бери вот эту, плотную. С ней проблем не будет.

Я игнорирую его указание, опускаю сумочку на чистый лист гипсокартона и встаю так, чтобы тень от меня упала на него.

– Мне нравится эта, – произношу я, указывая на самый изысканный, хрупкий образец с волнами серого.

– Глупость, – отрезает он, наконец поднимая глаза. В них – привычное мне раздраженное презрение. – Она мягкая. Поцарапается, впитает грязь. Идиотская трата денег.

Я чувствую, как по спине пробегает холодная волна ярости. Идиотская. Он смеет так оценивать мой выбор.

– Вы здесь для того, чтобы выполнять указания, а не выносить вердикты о моей рассудочности.

– Ты платишь? Платишь. Вот и плати за глупость вдвойне, когда придется менять, – он встает, и его рост, его плечи снова давят на меня, как физическая угроза. Он намеренно переходит на «ты», стирая последние границы. – Я тебе советую, как профессионал. Но если тебе так нужна кукольная ванная, которая развалится от взгляда – пожалуйста. Твои деньги.

Мы стоим, и пространство между нами сжимается от напряжения. Он дышит ровно, а я ловлю воздух короткими глотками. Его взгляд – стальной, мой – ледяной. В воздухе уже не просто спор, а молчаливая дуэль на выживание. Кто первый дрогнет? Кто первый признает правоту другого?

– Заказывайте мою плитку, – говорю я, и мой голос звучит опасно тихо. – И, пожалуйста, соблюдайте субординацию. Это не просьба, это требование.

Он усмехается. Коротко, беззвучно. Это хуже любого смеха.

– Субординация, – повторяет он, с насмешкой изучая незнакомое слово. – Что ты, холеная кукла, знаешь о субординации?

– А что ты, неотесанный работяга знаешь о стиле и дизайне? Ты тут только потому, что я тебе плачу. Я купила тебя. Ты исполнитель. Точка.

Он делает медленный глубокий вдох. Отворачивается и так же медленно и тяжело выдыхает. А я чувствую искрящиеся взрывы адреналина в крови, они пьянят, будто пузырьки дорогого шампанского. Кожу покалывает от дикого азарта и желания. Я не испытывала ничего подобного вот уже... Да вообще никогда! Этот дикарь сумел завести меня и разогнать от ноля до сотни за три секунды и даже не запыхался. И я предвкушаю продолжение ссоры, но он разочаровывает своим усталым:

– Хорошо. Как скажешь.

Он поворачивается спиной – эта спина, которая кажется способной выдержать любую тяжесть, кроме, видимо, моего упрямства – и идет прочь, оставляя меня с чувством горькой неудовлетворительной победы. Я выиграла спор, но в его «как скажешь» было столько ядовитой покорности, что праздновать не хочется. Хочется швырнуть ему вслед эту дурацкую, красивую плитку. И от этого дикого желания по коже бегут мурашки.

Глава 4

Застегиваю кружевной лифчик и расправляю бретельки. Снимаю с плечиков черную шелковую блузку и накидываю на себя, оставляя небрежно выправленной. На контрасте с темно-синими джинсами это выглядит хулигански. Провокационно. Застегиваю пуговички, оставляя пару нетронутыми. В разрезе виднеется кружево. У меня маленькая грудь, но от этого не менее эротично выглядит в вырезе блузки. Не пошло. Скорее элегантно-худа.

С тех пор как на объекте появился этот дикарь, у меня появился ежедневный ритуал. Прежде чем ехать туда, я по несколько часов выбираю наряд, кручусь перед зеркалом, размышляя, насколько уверенно буду себя чувствовать в этой броне рядом с ним. Упоительно. Никогда прежде не интересовалась чужим мнением по поводу своей внешности, но уступать этому дикарю не хочется. Хочется выглядеть так, чтобы он снова и снова убеждался, что я безукоризненно утонченна и безапелляционно дерзка не только на словах. Но и в образе.

Телефон на тумбочке звонит, номер мне незнаком. Я беру трубку. И запинаюсь на вдохе.

– Гипсокартонщики слились. Сдвигаем график на неделю. – Он звонит мне сам. Это что-то новое. Голос в трубке глухой, без эмоций.

Я замираю у зеркала в своей гардеробной, сжимая в руке бриллиантовую сережку. Неделя. Еще семь дней этой неопределенности, этого подвешенного состояния между прошлой жизнью и призраком будущей.

– Это невозможно, – произношу твердо. Даю понять, что никаких споров не будет. Я не прогнусь. – Вы обязаны уложиться в сроки. Не мои проблемы, как вы это сделаете.

– На всех объектах ажиотаж. Других вариантов нет.

– Предложите двойную ставку! – срываюсь натянуто. Я ненавижу эту беспомощность. – Я заплачу! Но сроки должны быть соблюдены!

– Деньги решают не всё, – слышу я его хриплый, усталый вздох. – Особенно когда изначально всё пошло не так из-за твоих же «проверенных» людей. Жди неделю.

В трубке – короткие гудки. Он положил. Он положил трубку, не дослушав меня!

От такой наглости я даже не сразу нахожусь в потоке своих возмущений.

В ярости мчусь на объект. Он один, закуривает у окна, глядя на город. Вид его спокойной, уставшей спины бесит меня еще больше.

– Вы не имели права так со мной разговаривать! – выпаливаю с порога.

Он медленно оборачивается. В его глазах – не холод, а утомленная ярость, более опасная, чем любая другая.

– Я имею право говорить правду. Ты наняла левых людей за свои левые деньги, и они нас кинули. Твои проблемы. Не мои.

– Это МОЙ проект! И вы будете решать МОИ проблемы! – я подхожу к нему так близко, что чувствую тепло его тела сквозь тонкую ткань своей блузки.

– Твой проект – это прихоть. Игрушка. А у меня – реальная работа, – он делает шаг навстречу, и мы теперь почти соприкасаемся. Его дыхание, с запахом табака и кофе, обжигает мои губы. – И я не буду прыгать по-собачьи, потому что тебе скучно в твоём дворце, и ты хочешь побыстрее поиграть в новую куклу-квартиру!

– Как вы СМЕЕТЕ! – я кричу ему прямо в лицо, и мой крик – хриплый, истеричный, полный всей накопленной за годы унижений боли. – Вы грубый, неотесанный хам! Вы ничего не понимаете!

– Понимаю! – отвечает раздраженно. Его голос, низкий и рвущийся, заглушает мой. Он цепляет меня за плечо, не сильно, но так, чтобы остановить, чтобы встряхнуть. Его пальцы жгут кожу даже через ткань. – Понимаю, что ты избалованная баба, которой мир должен,

и когда что-то идет не по-твоему, ты начинаешь визжать! Знаешь, сколько я таких, как ты, повидал? Не нравится – выгоняй! Ищи другого дурака, который будет пресмыкаться и заглядывать тебе в рот. Я быть твоей шавкой не подкидывался.

Мы оба тяжело дышим, сверля друг друга взглядами, полными ненависти и какого-то дикого, непризнанного родства. Его рука все еще на моем плече. Я не стряхиваю ее. Я смотрю на его перекошенное злостью лицо, на сжатые губы, и чувствую, как внутри все обрывается и падает в какую-то черную, сладкую пустоту. Есть только он, его гнев, его жгущие пальцы и гул крови в ушах.

– Я вас не выгоню, – выдыхаю я, и голос мой – всего лишь шепот. – Но вы сделаете так, чтобы эти чертовы стены были готовы через неделю. Или...

– Или что? – он бросает, и его губы искривляются в подобие улыбки. – Расскажешь своему хахалю? Пусть придет, поговорит со мной по-мужски.

– Да хоть бы и так! – рявкаю в гнев.

– Валяй! Мне даже интересно!

Он отпускает мое плечо, и на коже остается жгучее, фантомное ощущение его прикосновения. Он снова поворачивается к окну, давая мне понять, что разговор окончен. Я сдаюсь. Мы не кричали – мы были друг на друга свою ненависть. И в этом вою было что-то настолько откровенное, настолько настоящее, что после него мой привычный мир кажется картонным. А на языке – вкус железа, как от крови. Сроки сдвигаются на неделю, как он и предполагал. И это лишь в очередной раз подстрекает мою злость и ненависть к этому нахальному дикарю. Он мог бы ускорить процесс. Но из принципа выждал срок, чтобы шелкнуть по носу меня.

Глава 5

Последняя капля – это не розетка. Это – цвет краски для стен гостиной. Я выбрала сложный, глубокий оттенок «угольной сажи». Он должен был придать комнате драматизм. Матвей заказал краску. И когда я приезжаю, одна стена уже выкрашена. И это – обычный, скучный, теплый серый.

Я останавливаюсь на пороге. Тишина. Он стоит на стремянке, проверяя что-то у потолка. Его спецовка закатана до локтей, обнажая мощные, испачканные краской предплечья.

– Что это? – мой голос звучит странно спокойно в этой тишине.

Он оборачивается, спускается. Смотрит на стену, потом на меня.

– Краска. Та, что ты заказала.

– Это НЕ тот цвет.

– Это тот самый код, что был в твоей бумажке, – он пожимает плечами. – На солнце он смотрится так.

– Это не «угольная сажа». Это... Это грязь! – последнее слово вырывается криком. Я подхожу к стене, касаюсь ее. Краска еще липкая. – Вы испортили всё! Всю концепцию! Вы всегда все портите! Своим... своим тупым, практичным взглядом на мир!

Он бросает шпатель. Металл звякает о бетонный пол. Он медленно, очень медленно идет ко мне. В его глазах – не ярость. Хуже. Холодная, бездонная пустота. И от этого мне становится страшно по-настоящему.

– Тупой, – повторяет он тихо. – Практичный. Да. Я такой. Я не играю в куклы и не развожу драматизм на стенах, когда в голове – одна большая, пустая дыра. Ты думаешь, цвет краски что-то изменит? Изменит твою жизнь? Сделает тебя счастливой? Нет. Ты просто будешь сидеть в этой темной комнате и так же тихо сходить с ума. Только в более модной обстановке.

Каждое его слово – как удар ножом. Точно, безжалостно, в самое сердце. Он видит. Видит все. Видит ту самую пустоту, которую я пытаюсь закрасить, заклеить, заштукатурить.

– Заткнись, – шепчу я. Слезы давят, душат. – Заткнись, просто заткнись и перекрась.

– Не стану. – повторяет. – Слушай. Ты хотела искр? Получай. Твой проект – это крик. Крик о помощи. Но ты не хочешь помощи. Ты хочешь, чтобы все играли по твоим правилам в твою унылую игру. Даже краска должна быть трагичной, как твоя жизнь. Жалко.

Это последнее слово. «Жалко». Оно обрушивается на меня всей тяжестью правды. Я больше не кричу. Я бросаюсь на него. Бью кулаками по его груди, по плечам. Это несильно, это беспомощно. Он даже не пытается уклониться. Он стоит, как скала, принимая эти жалкие удары. А потом хватает меня за запястья. Жестко. Больно.

– Довольно, – говорит он хрипло. Его лицо в сантиметрах от моего. Я вижу расширенные зрачки, след усталости под глазами, жесткую линию рта. – Прекрати!

Мы замираем. Я задыхаюсь, глядя в упрямое лицо напротив. Задыхаюсь от застрявших в горле рыданий, которые не могу выпустить. Он тяжело дышит, его пальцы все еще сжимают мои запястья. Это не объятие. Это – плен. И в этом плену нет ненависти. Есть что-то другое. Что-то темное, горячее и невероятно живое, что пульсирует в сантиметре между нашими телами. Он смотрит на мои губы. Его взгляд тягучий и черный скользит по ним, как по сладкому десерту, который он хочет сожрать на обед. Но не позволяет себе. Слишком высока цена. Слишком дорого платить за эту слабость. И он так и не позволяет ее себе. Я чувствую, как дрожит его рука. Или это дрожу я? Весь мир сузился до точки соприкосновения его кожи с моей, до его дыхания на моем лице.

Он резко, почти с отвращением отпускает меня. Отшатывается, как от огня.

– Если для тебя это *так* важно, перекрашу, – бросает он, отворачиваясь. Голос холодный, чуждый. – В твой идиотский, трагичный черный цвет. Чтобы было похоже на твою душу.

Он уходит в другую комнату. Я остаюсь стоять у испорченной стены, обнимая себя за плечи, на которых еще горят следы его пальцев. Больше не злюсь. Не кричу. Во рту – вкус соли от непролитых слез и... свободы. Страшной, опасной свободы. Он назвал вещи своими именами. И в этом был единственный за все это время акт настоящей, безжалостной честности. И от этой честности кружится голова. А губы покалывает от поцелуя, который так и не случился.

Глава 6

Дней пять после той сцены с краской я на объект не появляюсь. Боюсь. Не его – себя. Боюсь того дрожащего, темного возбуждения, что поднимается в горле, когда наши взгляды сталкиваются. Боюсь, что в следующий раз я не отшатнусь. А шагну навстречу.

Но избегать вечно нельзя. Нужно забрать забытый план электропроводки – единственный оправдательный предлог, который я придумала сама для себя.

Ключ в замке поворачивается туго, будто его не использовали. Вхожу. Тишина. Ремонт замер на стадии оштукатуренных, но недокрашенных стен. Воздух тяжелый от пыли и одиночества. Мое одиночество, теперь вшитое в эти стены.

Иду в будущую спальню, где оставила папку. Ее нет на ящике с инструментами. Осматриваюсь. И замечаю на подоконнике, рядом с пустой банкой из-под кофе, знакомые листы. Они лежат под тем самым шпателем, что он тогда швырнул.

Подхожу. Беру шпатель. Металл холодный. А под ним, на моем идеальном чертеже, – грубые, уверенные линии, нанесенные простым карандашом. Он не просто "доработал" план. Он его переосмыслил. Сдвинул розетки с учетом мебели, которых еще нет. Наметил скрытую подсветку в нише, о которой я лишь смутно думала. Его линии – дерзкие, мужские, без колебаний. Они говорят: "Я вижу твой дом лучше тебя. Я вижу, как в нем должно быть".

Ярость, знакомая и сладкая, закипает мгновенно. Какое право? Какое ПРАВО он имеет? Я сжимаю шпатель так, что пальцы белеют.

– Искала это? – голос раздается прямо за спиной.

Я вздрагиваю, оборачиваясь так резко, что чуть не теряю равновесие. Он стоит в дверном проеме. Без спецовки, в простой серой футболке, обтягивающей рельеф груди и плеч. На шее – цепочка с каким-то простым кулоном. Он выглядит... обычным. И от этого еще более опасным. Как дикий зверь, вышедший из леса к окраине города.

– Вы... вы испортили мои чертежи, – выдавливаю я, поднимая испещренный карандашом лист. Голос предательски дрожит.

– Я их улучшил, – говорит он просто, переходя на «ты» с первой же фразы, как будто за эти пять дней ничего не изменилось. Все изменилось. – Твоя схема была ущербной. Этим пользоваться нельзя.

– Вы не имели права даже прикасаться! Это МОЁ! – кричу я, и эхо подхватывает мой крик в пустых комнатах. Я делаю шаг к нему, занося шпатель не то как доказательство, не то как оружие.

Он не отступает. Его глаза – два куска свинцового неба – медленно скользят с моего лица на шпатель в моей руке, и в уголке его рта дергается. Не улыбка. Скорее гримаса презрения к этой моей жалкой попытке угрозы.

– Твое? – переспрашивает он тихо, делая свой шаг навстречу. Теперь между нами меньше метра. – Что именно твое, Афина? Эта квартира? Её купил твой муж. Эти стены? Их возводили другие. Эти чертежи? Их смысл был понятен только тебе, и то едва ли. Ты просто декоратор. Приходящий. Ты ничего здесь не строишь. Ты только придумываешь картинку.

Каждое слово – точный удар. Я чувствую, как красные пятна выступают на шее, на щеках. Хочу заткнуть ему рот. Чем угодно.

– А ты что строишь? – шиплю я, вкладывая в «ты» всю накопленную ярость, унижение, боль. – Дыры в стенах? Грязь? Ты здесь временный работник, которого я в любой момент могу выгнать! Ты – никто! Ты НИЧТО в этом месте!

Он замирает. В его глазах что-то вспыхивает – не яростью, а чем-то холодным и смертельно опасным. Он делает последний шаг. Теперь мы дышим одним воздухом. Я чувствую тепло его тела, запах свежего пота, мыла и чего-то древесного, дикого.

– Никто, – повторяет он, и его голос – низкое, вибрирующее рычание где-то в груди. – Да. А ты – принцесса в башне. Которая боится спуститься вниз. Которая настолько ничто, что даже свою собственную жизнь не может назвать своей.

Он медленно, с преувеличенной осторожностью, как будто имея дело с бешеной кошкой, вынимает шпатель из моей зажатой руки. Его пальцы касаются моих. Искра. Острая, жгучая, пробегает по всему запястью. Я вздрагиваю, но не отпускаю. Мы держим этот дурацкий кусок металла между нами, как перетягиваем канат.

– Отпусти, – говорю я, но в голосе нет силы, только хрип.

– Отпусти сама, – отвечает он, не сводя с меня глаз.

Наши взгляды сцеплены. В его – вызов. В моем – паника и та самая, непрошенная, предательская тяга. Я чувствую, как поддаюсь. Не физически – внутренне. Эта близость, этот гнев, эта невысказанная ярость на весь мир, которая находит выход только в нем, – она пьянит сильнее любого вина.

И вдруг он действует. Не отнимает, а резко тянет шпатель и меня за него – на себя. Я не успеваю среагировать, делаю нелепый шаг вперед, и теперь мы почти соприкасаемся. Он бросает шпатель. Звук на бетоне звучит оглушительно громко. Его свободная рука находит мою талию – жестко, властно, прижимая меня к себе. Не как любовник. Как трофей. Как доказательство.

– Вот видишь, – его губы в сантиметре от моего уха, дыхание обжигает кожу. – Даже этот кусок железа ты удержать не можешь. Какая уж там жизнь.

Я замираю, парализованная. Не страхом. Шоком от этой грубой близости. От того, как точно его тело повторяет изгибы моего. От волны тепла, что накатывает снизу живота, позоряще-сладкой. Я должна оттолкнуть его. Ударить. Уйти.

Но я просто стою. Дышу его дыханием. И закрываю глаза.

Он чувствует мою капитуляцию. Чувствует мгновенное расслабление мышц, этот краткий миг, когда я перестаю сопротивляться. Его рука на талии разжимается. Не отпускает, но напряжение спадает. Он медленно отстраняется, оставляя между нами ту самую сантиметровую пропасть, что стала нашей территорией.

– Чертежи возьми, – говорит он хрипло, отворачиваясь и проводя рукой по лицу. – Делай, как знаешь. Мне все равно.

Он уходит. Не в другую комнату. Я слышу, как хлопает входная дверь. Он ушел с объекта. Оставил меня одну.

Я медленно опускаюсь на ящик с инструментами, не в силах стоять. Дрожь, мелкая и неконтролируемая, бьет меня изнутри. Я смотрю на свои пальцы – те, что только что касались его. Подношу их к лицу. Пахнут металлом и им.

Он был не прав. Я что-то построила. Здесь и сейчас. Я построила эту токсичную, невыносимую, животную связь между нами. Кирпичик за кирпичиком из оскорблений, взглядов и этого вечного, невысказанного "почти". И теперь это сооружение страшнее и реальнее, чем любая квартира. И у меня нет чертежей, чтобы сделать со всем этим хоть что-то.

Глава 7

После того случая с ключом и чертежами я установила для себя новое правило: приезжать ровно в час. В обед. Когда бригада уходит греться в ближайшую забегаловку, а объект на час погружается в сонную, пыльную тишину. Так безопаснее. Нет риска столкновений. Нет этих невыносимых, наэлектризованных взглядов, которые оставляют на коже ощущение ожога.

Сегодня я нарушила правило. Причина – дурацкая, женская: не смогла решить, с какими занавесками сочетать тот самый «угольный» оттенок в гостиной, и в итоге просидела перед компьютером до полвторого. На объект вползаю, как вор, стараясь не греметь ключами.

Тишина. И пустота. Я уже собираюсь выдохнуть с облегчением, как замечаю в углу будущей гостиной, у самого окна, чью-то спину.

Он.

Он не ушел. Сидит на перевернутом ведре из-под шпаклевки, прислонившись к стене. Голова слегка опущена. В руках у него – книга. Я замираю на пороге, затаив дыхание. Он не слышит меня, погруженный в чтение.

Это зрелище настолько выбивается из всей известной мне картины мира «Матвей», что мозг отказывается его обрабатывать. Этот человек, чьи руки ломают бетон и сжимаются в кулаки от ярости, держит книгу. Не газету, не технический каталог. Книгу в мягком переплете, уже потрепанную.

Любопытство – острое, непреодолимое – гонит меня вперед. Я делаю бесшумный шаг. Еще один. Издалека вижу обложку. На ней – геометрическая абстракция и название, которое я смутно припоминаю из университетского курса по культурологии. Не бульварный роман. Даже не современный бестселлер. Что-то серьезное. Философское. Про пространство и время.

Что-то внутри меня щелкает. Как будто я все это время смотрела на черно-белую фотографию, и вдруг один ее фрагмент вспыхнул диким, неожиданным цветом.

Он перелистывает страницу. Звук шелеста в тишине кажется громким. Я замираю, боясь, что он услышит мое дыхание. Но он не отрывается от текста. Его поза расслаблена, но сосредоточена. Уголки губ не поджаты в привычную жесткую складку. На лоб спадает прядь темных волос. Он выглядит... молодым. И уязвимым. И это зрелище бьет меня сильнее любой его ярости.

Я стою, парализованная этим открытием. Этот человек, который рычит на меня, который называет мою жизнь жалкой, который дышит злостью и дистанцией – он может сидеть в пыли и читать о концепциях времени. Его внутренний мир не ограничен перфоратором и сметой. В нем есть полки. И на этих полках стоят не только инструменты.

Внезапно он вздрагивает, словно почувствовав мой взгляд на себе. Медленно поднимает голову. Наши глаза встречаются.

В его взгляде нет привычной мгновенной ярости или презрения. Сначала – лишь глубокая, неподдельная погруженность, будто его сознание еще плывет между строк. Потом – осознание. Он видит меня. Видит мое лицо, застывшее в немом вопросе. Видит, что я застала его за этим частным, интимным делом.

И тогда в его глазах происходит то, чего я никогда раньше не видела: смущение. Быстрое, почти неуловимое. Оно мелькает, как тень, и тут же стирается привычной маской холодной настороженности. Он не хлопает книгой. Не прячет ее. Он просто медленно закрывает, закладывая пальцем страницу, и кладет ее рядом на пол.

– Опоздала, – говорит он голосом, лишенным интонаций. – Обед с часу до двух. Приезжай позже.

Он пытается вернуть нас на привычные рельсы. Хозяин объекта и наемный работник. Но почва уже ушла из-под ног. Трещина прошла по всему фасаду.

– Что ты читаешь? – спрашиваю я тихо. Слово «ты» выскакивает само, непроизвольно, украдкой. Не как оскорбление, а как ключ, подобранный к неожиданно открывшемуся замку.

Он смотрит на меня долго. Оценивающе. Как будто решает, стоит ли впускать меня в этот свой, другой мир.

– Книгу, – отвечает он уклончиво, вставая. Его движения снова становятся грузными, рабочими. – Здесь пыльно. Иди, не мешай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.